

Необходимо признать, что чехи начали выступать на стороне союзников еще во время войны и немало способствовали победе. Поэтому я не имею никаких возражений против предложения о признании за ними их особого положения.

Ллойд Джордж.—Имеется общее соглашение о том, чтобы репарационные статьи по договору с Австрией редактировались на этой основе и чтобы соответственно этому принципу эксперты могли вести переговоры с государствами, входившими в состав бывшей Австрийской империи.

Вильсон.—Мне кажется, вернее было бы сказать, что новые государства приглашаются внести свою долю стоимости их освобождения.

Что касается пункта 1 финансовых статей, подлежащего внесению в текст договора с Австрией и предусматривающего установление преимущественного права в отношении всех имуществ и кредитов Австрии, обеспечивающих ее платежи, мне кажется, что пункт этот накладывает вечное и неизгладимое пятно на австрийский кредит. Можно было бы включить выражение: «не считая исключений, которые могут быть сделаны репарационной комиссией».

Лушер.—Изменение это может оказаться неудобным вследствие того, что статья, тождественная рассматриваемой, была уже предъявлена Германии.

Вильсон.—Мне кажется нетрудным провести различие между Австрией и Германией.

Ллойд Джордж.—Вопрос этот представляется мне незначительным, тем более что и в договоре с Германией были допущены исключения.

(Принимается предложение президента Вильсона.)

Лушер.—Предлагаю специальную статью о «Südbahn» [«Южная железная дорога»] для включения в договор. Стоимость облигаций этой компании во Франции достигает приблизительно полутора миллиардов, облигации эти принадлежат многочисленным держателям. Железнодорожная сеть этой компании будет разделена на пять частей, которые будут пролегать по территории нескольких новых государств. Управление этой железнодорожной компанией будет поэтому весьма сложным делом, которое не сможет быть разрешено Советом. Французское правительство полагает, что договор должен установить общие положения, с тем чтобы возможно было достигнуть необходимого соглашения.

Вильсон.—Речь идет о государственной железной дороге?

Клемансо.—Это—частная компания.

Вильсон.—Мне представляется затруднительным внести статью, дающую союзным и присоединившимся державам право контроля над частной компанией. Я не вижу особых причин для принятия постановлений, касающихся железнодорожного общества «Südbahn», тем более что, насколько мне известно,

существует по крайней мере 20 международных комиссий, в которых Соединенные Штаты обязались участвовать. Мирные договоры породят большое количество подобных вопросов и невозможно будет принять специальные меры для урегулирования каждого из них при посредстве международных органов. Было бы весьма затруднительно пытаться контролировать одно общество; на практике же пять групп железнодорожной сети компании «Südbahn» могли бы отстаивать свои интересы и разрешать затруднения лучше любой международной комиссией.

Ллойд Джордж.—Я также думаю, что Совет не должен принимать участия в защите частных интересов держателей названных облигаций. Если мы начнем охранять частные интересы, принцип этот должен быть применен повсюду. На деле же все законные интересы охраняются пунктом 6 финансовых статей, имеющим в виду также и держателей облигаций. Совет не должен заниматься отдельными обществами, и я не без больших колебаний согласился бы оказать покровительство неизвестным нам акционерам, которые могли бы использовать это обстоятельство в целях спекуляции.

Лушер.—Французское предложение не имеет в виду оказания особого покровительства отдельным держателям акций. Оно направлено только к разрешению практической проблемы, которая несомненно возникнет. Здесь мы имеем дело с компанией, которая будет функционировать на пяти территориях. Необходимо сказать, как эта компания будет функционировать и как, в какой именно форме она сможет эксплуатировать пять различных зон. Если это действительно предусмотрено статьей 6, осуществление французского предложения, таким образом, обеспечено.

(Решено внести финансовые статьи в договор с Австрией, за исключением части, предложенной президентом Вильсоном и уже одобренной.)

Креспи говорит Орландо, что решение, принятое на сегодняшнем заседании, означает 800 миллионов в нашу пользу. Орландо отвечает: «Лишь бы они не вздумали вернуться к обсуждению вопроса».

Ллойд Джордж по окончании заседания спрашивает Орландо, говорил ли он с Вильсоном об итальянских делах. Орландо отвечает: «Поговорю с Тардье».

16 часов.—Заседание Совета Четырех в доме президента Вильсона; участвуют также министры иностранных дел и многочисленные эксперты.

Вильсон.—Проблема, которую Совет призван разрешить, касается границ между Австрией и Югославией в районе Клагенfurта. Полагаю, что проблема должна быть поставлена следующим образом. Что касается так называемого бассейна Клагенfurта, то в этом случае экономическая граница не соответствует границе

этнической. Этническая линия разделяет бассейн на две части: северную и южную. Южная часть, включающая в себя большое количество словенцев, экономически неразрывно связана с северной частью. Кроме того, южную часть Клагенфуртского бассейна пересекает одна из наиболее замечательных естественных демаркационных линий, а именно цепь гор с более крутыми и изрезанными склонами в южной своей части, составляющая, таким образом, серьезнейшую преграду с южной стороны. Помоему вопрос о делимитации Клагенфуртского бассейна во многих отношениях напоминает положение с итальянской границей. В этом случае, хотя и было признано, что многие словенцы (?) находятся на итальянской стороне, было принято во внимание то обстоятельство, что здесь имеется ясно установленная природой граница. Подобное же положение наблюдается в бассейне Клагенфурта. Словенское население, проживающее в южной части бассейна, экономически связано с северной его частью. Тем не менее вопрос не может рассматриваться единственно с политической и этнической точки зрения. Другими словами, Совет должен решить, следует ли признать по политическим соображениям факт, не соответствующий естественным условиям, или же следует считаться с естественными условиями независимо от политических соображений.

Я лично оказался бы в весьма затруднительном положении, отступив от принципа, который я решил применить в итальянском вопросе; с другой стороны, я не желаю менять решения, принятого в отношении Италии с учетом обстоятельств естественного порядка.

Четверо частным образом обмениваются между собой несколькими словами.

Вопрос откладывается.

Соннино подошел к Вильсону, чтобы поговорить с ним об Асслинге. Соннино красен, Вильсон бледен; видно, не могут столкнуться.

Затем Четверо обсуждают между собой вопрос о России.

(Решено поручить компетентным экспертам составление дополнительной статьи к разделу «Порты, водные пути и железные дороги», касающейся телеграфных и телефонных сообщений между Австрией и Чехо-Словакией.)

По окончании заседания Ллойд Джордж просит Орlando притти со мной завтра в 10 с половиной часов утра к нему, чтобы поговорить об итальянских делах и после этого отправиться к Вильсону.

Беседуя после этого со мной, Орlando говорит, что, по его мнению, следует констатировать разногласие, но не порывать.

Тардые в контакте с итальянцами работает до поздней ночи в поисках схемы разрешения итало-югославского вопроса.

Среда, 28 мая.

10 с половиной часов.—С Орландо у Ллойд Джорджа.

Ллойд Джордж просит разрешения отправиться на полчаса к Вильсону, желая узнать, какое впечатление произвело на него решение, предложенное Тардье.

Прогулка с Орландо в Булонском лесу. Орландо продолжает искать формулу, «которая констатировала бы расхождение, но не порывала бы с союзниками».

11 часов.—Возвращаемся к Ллойд Джорджу. Через несколько минут появляется Ллойд Джордж с Хаузом.

Ллойд Джордж.—Прошу извинения за опоздание, но я совещался с президентом Вильсоном о способах достижения соглашения.

Орландо.—Хорошо.

Ллойд Джордж показывает два листка с изложением основы соглашения.

Листки эти заключают в себе предложение Тардье:

(Первый листок.)

I. Фиуме и железная дорога в Истрии

Создание независимого государства под суверенитетом Лиги наций со следующей границей:

на западе, начиная от Волоски до пункта северо-западнее

Сан-Пьетро—предложенная американскими делегатами линия;

на севере—от этого пункта до горы Монте-Невозо;

на востоке—линия, требуемая в итальянском меморандуме.

В состав вышеназванного государства войдет Велья.

Управление, осуществляемое комиссией в составе пяти членов, назначаемых Лигой наций (два итальянца, один уроженец Фиуме, один от Югославии, один от какой-либо другой державы).

Муниципальная автономия обеспечивается фиумскому «*Corpus separatum*» в соответствии с его конституцией, существующей со времен Марии-Терезии.

Фиуме—свободный порт. Никакой воинской повинности. Никаких налогов, кроме местных.

Плебисцит через 15 лет.

II. Далмация

Оставление Югославии всей Далмации за исключением Зары и Себенико с их административными округами.

Нейтрализация.

III. Острова

Все острова по Лондонскому договору—Италии, за исключением острова Паго. (Велья—Фиумской республике.)

(Второй листок.)

IV. Албания

Мандат на Албанию передается Италии, от северной границы Албании в нынешнем ее виде до южной границы, которая будет установлена конференцией.

В Албании должна быть построена железная дорога: 40%—на итальянский капитал, 40%—на югославский и 20%—других стран.

V. Область к северу от границы

Тарвис передается Италии, так же как и территория Быстрицы.

VI. Другие пункты соглашения

1. Удовлетворение итальянских требований, касающихся адриатического флота (репарационная комиссия).

2. Треугольник Асслинга передается Австрии без фортификаций.

Ллойд Джордж.—Президент Вильсон был бы благодарен г. Орландо, если бы он пожелал отделить для обсуждения первый листок от второго. Президент готов поговорить об Албании, но это—новое требование, и он не мог бы принять его без обсуждения. Правда, для Албании необходимо нечто вроде мандата. Но вопрос мог бы быть рассмотрен как часть вопроса о мандатах. Кроме Италии, нет подходящей страны для вручения мандата на Албанию. Греция и Сербия слишком втянуты в албанскую политику; Франция и Великобритания не интересуются ею; больше прав имеет Италия. Президент не отрицает этого и не противодействует этому, но желает, чтобы ему было предоставлено некоторое время на размышление. Возвращаясь к первому листку предложения, президент делает следующих два главных замечания. Первое относится к назначению административной комиссии в Фиуме. Было предложено, чтобы она состояла из пяти членов: двух от Италии, одного от Фиуме, одного от Югославии и одного от других держав. Выбор комиссии будет зависеть от того, что понимать под Фиуме. Если под Фиуме подразумевать только старый город, выбор падет, разумеется, на итальянца, в результате чего весь округ окажется в действительности под итальянским управлением. Президент предлагает поэтому, чтобы в состав комиссии вошли два итальянца, один южный славянин, один—избранный всем государством Фиуме и один—назначенный другими государствами. Таким образом, представителю держав будет обеспечено нейтральное положение и практически решающий голос.

Что касается островов, президент Вильсон отмечает, что, если все острова за исключением Паго будут переданы Италии, это создаст большие затруднения. Югославия занимает очень твер-

дую позицию в вопросе об островах и никогда не согласится на то, чтобы все острова перешли к Италии. Необходимо в частности отметить, что остров Велля был бы теперь передан Фиуме, хотя по Лондонскому договору он не предназначался Италии. Наоборот, остров этот по договору предназначался Хорватии. Президент Вильсон усматривает в этом большую разницу. Он рекомендует поэтому, чтобы Италия указала один или два из наиболее важных для нее с точки зрения обороны островов.

Хауз.—Один из главнейших доводов президента Вильсона заключается в том, что к востоку от Италии не должно быть враждебного ей населения. Он не хочет, чтобы в Югославии вспыхнуло ирредентистское движение против Италии.

Ллойд Джордж.—Какие из островов представляют наибольшую важность для Италии?

Орlando.—Острова являются дополнением к Заре и Себенико. Я рассмотрю вопрос вместе с морскими экспертами. Обсужу весь вопрос в целом с итальянской делегацией и сделаю это в самом скором времени. Я думаю, что смогу дать ответ в течение дня.

Ллойд Джордж.—Попытаюсь резюмировать. Насколько я могу судить, президент Вильсон желает достигнуть соглашения и готов рекомендовать Югославии заключить разумное соглашение. Соглашение Югославии необходимо. Но если согласие это не будет получено, а президент Вильсон будет настаивать на получении его, вся позиция переменится. Тогда не Италия, а Югославия стала бы препятствовать разрешению вопроса. По моему мнению, суть в том, чтобы главные державы были согласны между собой. Если бы в отношениях между Италией, с одной стороны, и Францией и Великобританией—с другой, наступило охлаждение, создалось бы весьма затруднительное положение. Резюмирую нижеследующим образом предложение о Фиуме:

Государство Фиуме будет подчинено Лиге наций и будет представлять собой достаточно большое государство, как указывалось при переговорах, происходивших вчера вечером. Государство будет управляться следующим образом: два представителя, назначаемые Италией, один—назначаемый государством Фиуме, один—Югославией и один—другими великими державами.

Через 15 лет будет проведен плебисцит, и население решит, желает ли оно остаться независимым, сделаться итальянским или же хорватским. Соглашение явится подобным соглашению по саарскому вопросу, и Лига наций предоставит военную защиту общего порядка.

Вся Далмация будет оставлена Югославии.

Орlando.—За исключением Зары и Себенико? Я полагал, что они будут переданы Италии.

Ллойд Джордж.—Не думаю, чтобы Вильсон согласился. По моему мнению, Зара и Себенико должны сделаться свободными городами под покровительством Лиги наций.

Орландо.—Это представляет большую разницу.

Хауз.—Хэнки предлагает, чтобы Зара и Себенико были объединены с Фиуме.

Орландо.—Предложение мне не нравится.

Ллойд Джордж.—Я не думаю, чтобы президент Вильсон присоединился к какому-либо предложению, по которому Зара и Себенико не будут переданы под покровительство Лиги наций или Югославии. Если они будут признаны свободными портами под покровительством Лиги наций, они будут одинаково свободны как для южных славян, так и для итальянцев, и это будет важно, потому что порты эти открывают Далмации доступ к морю. В отношении островов положение, повидимому, продолжает оставаться весьма затруднительным. Я обращаюсь к г. Орландо с настоятельной просьбой, чтобы он при пересмотре вопроса об островах ограничился возможно меньшими и самыми необходимыми для обеспечения безопасности Италии требованиями, выбрав те из островов, которые наиболее плотно населены итальянцами. Обсуждение вопроса об Албании откладывается.

Хауз.—Президент Вильсон думает, что по албанскому вопросу следовало бы назначить комиссию, которая представит соответствующий доклад.

Орландо.—Я рассмотрю весь комплекс предложений вместе с моими коллегами и дам ответ в течение дня.

В конце заседания Ллойд Джордж вручает Орландо свое «частное и конфиденциальное» письмо, помеченное сегодняшним числом, в ответ на такое же письмо, посланное ему три дня назад Орландо. Хэнки прилагает оба письма к составленному им протоколу заседания.

В своем письме Орландо сообщал о недовольстве в Италии, «которая считает, что с нею обращаются скорее как с побежденной, а не победившей страной», указывая на грозящую не только Италии, но и континентальной Европе опасность анархии, которая может возникнуть в результате вышеуказанного недовольства, соединенного с положением, царящим в России и Германии, и поэтому настаивал на необходимости достижения соглашения по итальянским делам.

В своем ответе Ллойд Джордж настаивает на бесспорном для него обстоятельстве, что население на территориях, требуемых Италией, состоит в большинстве из славян: в Далмации славян по крайней мере вчетверо больше, чем итальянцев,

Во время беседы Хауз вполголоса спросил Орландо: «Что для вас важнее—Зара или Лисса?» И когда Ллойд Джордж сказал сначала, что Далмация будет отдана Югославии, Хауз шепнул ему: «Вы не говорили с президентом о Заре и Себенико, как о свободных городах под итальянским суверенитетом?» Из всего

этого, повидимому, следует, что Ллойд Джордж не отказывается применять свое тонкое искусство дипломата и что Хауз, с другой стороны, остается верен своей уравновешенной лояльности.

Утренняя беседа, о которой Орlando сообщил итальянской делегации, произвела хорошее впечатление. Даже Бардзилаи молчит. Адмирал Грасси, к которому был обращен вопрос об островах, главным образом о Курцоланских, заявил, что он должен телеграфировать об этом адмиралу Ревелю, но со своей стороны не выдвигает возражений.

Бардзилаи говорит Орlando: «Во всяком случае сделай так, чтобы они были оставлены один за другим».

Днем в автомобиле Орlando говорит мне: «Не любопытно ли, что даже Бардзилаи так легко согласился с решением о Фиуме?»

15 час. 30 мин.—Прежде чем отправиться к Вильсону, заходим к Ллойд Джорджу. Орlando говорит ему, что готов отказаться от островов Лезина, Курцола, Меледа, но настаивает насчет Зары и Себенико. Ллойд Джордж просит Орlando разрешить ему пойти к Вильсону на пять минут раньше него.

16 часов.—У Вильсона.

Вначале речь заходит о просьбе китайской делегации, желающей получить копию решений Четырех по вопросу о Шаньдуне.

Ллойд Джордж.—Сегодня утром я сделал г. Орlando несколько предложений, касающихся разрешения адриатического вопроса. Мне казалось, что г. Орlando готов согласиться с решением по вопросу о Фиуме. Однако имеются затруднения, касающиеся островов Далматинского побережья, Зары и Себенико. Итальянское правительство, повидимому, готово притти к соглашению о Далмации при том условии, что Зара и Себенико будут поставлены под суверенитет Италии или если мандат на них, как на это недавно соглашался г. Орlando, будет передан Италии. Г-н Орlando был бы согласен также отказаться от трех крупнейших островов южной группы, равно как и от острова Паго. Остальные острова представляют собой пустынные скалы. Г-н Орlando настаивает, однако, на том, чтобы остров Керсо, являющийся в сущности продолжением Истрийского полуострова и населенный, главным образом, итальянцами, был передан Италии. Однако у президента Вильсона имеются другие сведения о населении.

Клемансо.—Каков будет официальный язык в Фиуме?

Ллойд Джордж.—Государство Фиуме решит этот вопрос.

Вильсон.—Необходимо, чтобы г. Орlando знал, в чем заключается затруднительность моего положения. Правительство Соединенных Штатов не имеет права передавать территории кому бы то ни было, оно может только следовать принципу, на котором основаны остальные мирные договоры. То, что я могу сделать,

заключается в следующем: взять выдвинутое в качестве базы предложение и рекомендовать его Югославии. Дальнейшее будет зависеть от ее согласия. Я постараюсь узнать, возможно ли добиться решения в этой плоскости. Я ценю серьезные усилия г. Орландо, отказавшегося от части Лондонского договора. Однако, прежде чем выдвинуть эти вопросы перед Югославией, я хотел бы знать, смогу ли я при переговорах с ней включить не только остров Велья, но и Керсо в состав государства Фиуме. Я не говорю о Луссине, так как остров этот явно итальянский. Что же касается Керсо, то на основании итальянской этнографической карты я прихожу к заключению, что лишь северную часть этого острова можно считать итальянской. Мне хотелось бы также предложить, чтобы восточный склон горной цепи Истрии был включен в территорию государства Фиуме. Цель моего предложения заключается в том, чтобы доступ к Фиуме—я при этом подразумеваю также острова—был поставлен под контроль государства Фиуме. Мне хотелось бы также, внося эти предложения, напомнить, что при утверждении Данцигского статута пришлось обеспечить Польше большую свободу выхода к этому порту, а также железнодорожные магистрали и железнодорожные пути в глубь страны. Без этих гарантий Данциг не сделался бы свободным портом. Это следовало бы применить также к Фиуме. Если бы я мог предоставить эти гарантии государству Фиуме под контролем союзных и присоединившихся держав, это в значительной мере облегчило бы мне переговоры и могло бы обеспечить им успешное завершение.

Орландо.—Я очень рад, что дух примирения, которым проникнуто итальянское правительство, получил признание со стороны президента Вильсона. Я заявляю, что будут даны всяческие льготы с целью предоставления порту Фиуме абсолютной свободы. В этом будет заключаться основная задача. Относительно решения, которое следует принять, замечу, что это—вопрос в высшей степени деликатный. Когда я получил представленный г. Тардые документ, о котором было известно г. Вильсону и Ллойд Джорджу, я приложил все усилия к тому, чтобы моя делегация согласилась принять его. Со своей стороны, несмотря на связанные с этим серьезные затруднения, я взял бы на себя ответственность за принятие этого документа. Однако я должен уведомить об этом моих коллег по кабинету. Было бы весьма затруднительно убедить теперь моих коллег согласиться на дальнейшие уступки. Я старался устранить вопрос о большинстве южных островов. Я взял обратно требования, касающиеся островов Лезина, Курцола, Меледа, являющихся самыми значительными из этой группы. Но если нужно пойти на дальнейшие уступки, я должен буду взять обратно мое согласие. Согласие мое основано на документе Тардые. Документ этот не только признает право Италии на острова, но и отдает ей Зару и Себенико. Я готов предоставить всяческую свободу этим портам и гарантировать, что там не будут

установлены военные и морские базы, служащие наступательным целям. Я убедил также делегацию в Париже согласиться с решением о назначении административной комиссии в Фиуме. Наконец, я принял бы документ Тардье, оставляя вторую его часть, как это требовалось, с поправкой о предложенной президентом Вильсоном комиссии для Фиуме и с поправкой, касающейся Курцоланских островов. Но дальше этого я не пойду. Скажу даже, из лояльности, о моем опасении, что мои коллеги в Италии не смогут согласиться с этим.

Вильсон.—В качестве друга обеих сторон я сделаю все возможное для того, чтобы воспользоваться этим предложением как базой для соглашения, и сделаю это в самой дружественной форме.

Мы должны прервать беседу. Я знаю, что г. Гиманс и люксембургская комиссия ждут нас наверху.

17 часов.—С Гимансом и комиссией по делам Люксембурга. Люксембург.

Во время переговоров Клемансо очень нелюбезно и грубо ведет себя по отношению к Гимансу, который нервничает и с трудом сдерживает себя.

По окончании заседания Вильсон просит меня передать ему подробный список островов, которые мы согласны уступить.

Завтра будет обсуждаться вопрос о границе между Австрией и Югославией. Вильсон дважды произносит: «Без министров иностранных дел! Без министров иностранных дел!»*

В то время как мы собираемся уходить, Бардзилаи телефонирует, что он хотел бы поговорить с Орландо. Не раскисается ли он? Выходим. Орландо говорит мне: «Если мне удастся покончить со статьями договора с Австрией, меня больше не увидят в Париже! Я совсем не собираюсь подписывать договоры».

Орландо делает итальянской делегации сообщение о сегодняшнем заседании. Я не присутствую при этом выступлении Орландо, которое, как мне говорит Соннино, проходит удовлетворительно.

Четверг, 29 мая, вознесение.

«Figaro» публикует статью Габриэля Ганото, касающуюся Орландо: «Большой оратор, большой демократ, крупный государственный деятель, мудрый в энтузиазме, не поддающийся обуревающей его страсти, стойкий защитник народа и династии»**.

* Ср. прим. на стр. 142.

** Полковник Хауз, как передает Ч. Сеймур (op. cit., v. IV, p. 452), писал к концу мирной конференции об Орландо следующее: «Мне неизвестно, какое впечатление производил на Вильсона Орландо в мое отсутствие, но знаю, что, когда мы вдвоем бывали вместе и когда нам с Орландо приходилось работать вдвоем, он казался самым довольным из своих коллег. Он был всегда любезен и даже в критических обстоятельствах проявлял велико-

В английских черновиках текста договора с Австрией, в разделе II «Будущие австрийские границы», в параграфе 4 напечатано, что «главными союзными и присоединившимися державами граница с Италией будет установлена впоследствии».

Говорю об этом с итальянским представителем в редакционном комитете Риччи Бузатти; он отвечает мне, что комитет пока не получал инструкций по этому поводу.

Уведомляю об этом Орландо.

Прибыв к Вильсону, я говорю об этом с ним до начала заседания; он, повидимому, не прочь принять соответствующие меры; затем сообщаю о том же Ллойд Джорджу, который начинает: «Надо кое-что сказать об этом»*, но затем не возражает; говорю об этом Клемансо, он выражает равнодушие.

В 11 часов начинается заседание.

По поводу письма члена редакционного комитета г. Херста выносится решение, что в случае расхождений между английским, французским и итальянским текстами в мирном договоре с Австрией будет иметь силу французский текст. Редакционный комитет внесет соответствующую статью в договор. В этом смысле будут даны инструкции редакционному комитету.

Херст послал еще одно письмо, извещая, что редакционный комитет исправил в мирном договоре формулировку, касающуюся взаимоотношений новой Австрии с бывшей Австро-Венгрией, и поэтому из параграфа 32 экономических статей исключил слова: «в том виде, в каком она существовала к 1 августа 1914 г.»

Орландо.—Это не есть чисто редакционный вопрос, он имеет реальное значение, ибо относится к убыткам и к вопросу о том, кто должен их оплатить. Прошу передать вопрос на обсуждение репарационной комиссии.

Вильсон.—Быть может, моя точка зрения отличается от точки зрения г. Орландо. Я слышал, что по договору только австрийские граждане будут обязаны платить за убытки, нанесенные Австрией. Следовательно, если рассматривать Австрию в том ее виде, в котором она существовала к 1 августа 1914 г., территория, охватываемая платежными обязательствами, в действительности не расширяется. Предположим, что какая-либо английская фирма понесла убытки в Праге и убытки ее были оплачены из австрийских фондов в Лондоне. Это было бы несправедливо. Сумма должна быть уплачена из средств Чехии. Несправедливо обязывать Австрию, заключенную в новые, более тесные границы, к уплате

душие, быть может, несколько чрезмерное, в признании американской точки зрения в тех случаях, когда это не затрагивало его страны. И даже при переговорах, касавшихся Италии, он старался быть справедливым, и когда он, с нашей точки зрения, таковым не был, это происходило вследствие давления, оказывавшегося Римом и его итальянскими коллегами. Он навсегда запомнился мне как обходительный, безукоризненный джентльмен, старавшийся в затруднительных обстоятельствах поступать наилучшим образом».

* В связи с позицией Ллойд Джорджа в этом вопросе ср. прим. на стр. 345.

убытков, понесенных в других частях бывшей Австрии. Совершенно справедливо включить Венгрию, но не Чехию и другие области, которые перестали быть вражескими.

После краткого совещания выносятся решение:

1) вопрос будет сообщен репарационной комиссии для замечаний;
2) слова: «в том виде, в каком она существовала к 1 августа 1914 г.», должны остаться в мирном договоре впредь до их изъятия из текста после получения мнения комиссии по репарациям.

Утверждается, подписывается и отсылается редакционному комитету подлежащая включению в договор с Австрией статья, относящаяся к телефонному и телеграфному сообщению с Чехо-Словакией.

.....
Клемансо.—Мы получили новый документ, содержащий немецкие контрпредложения к их договору.

Ллойд Джордж.—Прошу передать его для перевода в самом срочном порядке. Кажется, он состоит из 87 печатных страниц.

.....
Орландо.—Мне сообщили, что редакционный комитет не получал до сих пор инструкций, касающихся границ между Австрией и Италией.

Вильсон.—Насколько я помню, было решено, что граница будет та же, что указана в Лондонском договоре, с исправлениями, в силу которых Италии передается долина Секстен, равно как и некоторые районы по соседству с Тарвисом. Все это следует ясно указать на географической карте, а также принять решение по поводу Клагенфурта и Асслингского «треугольника».

Четверо вместе с секретарями переходят в верхний этаж, где мы находим экспертов и остальных секретарей. Среди них от Италии—Ваннутелли Рей.

Вильсон расстилает на полу географическую карту и, стоя на коленях, рассматривает ее, интересуясь Клагенфуртом, Асслингом. Поручает одному из американских секретарей составить карту с определенными указаниями. Затем Вильсон высказывает желание, чтобы в договоре не указывались оговорки, касающиеся Асслинга. Я говорю ему: «Если будет определена граница, а „треугольник“ будет оставлен вне Австрии без указания на оговорку, Югославия подумает, что „треугольник“ принадлежит ей!» Вильсон мне отвечает: «Мы здесь заняты составлением договора с Австрией, остальное нас не касается». Говорю Вильсону о продвижении югославских войск в этой зоне; указываю на возможность столкновений. Вильсон говорит: «Надо послать австрийцам и южным славянам письменное предупреждение!» Отвечаю: «Но как поддержать порядок там, где нет никого, имеющего на то право?»

Вильсон продолжает на коленях изучать географическую карту, Ваннутелли разъясняет ему вопрос о торговле, но Вильсон отвечает ему: «Не следует никогда ставить национальные вопросы

в зависимость от экономических». Ваннутелли продолжает свои разъяснения с большей любезностью и наилучшей аргументацией, но Вильсон заключает разговор словами: «Мы не признаем такого рода аргументов».

Возвращаемся в комнату, где обычно происходят заседания Четырех.

Секретари из комиссии по югославским делам А. Портье (француз) и Э. Абрагам (англичанин), которым Вильсон дал аналогичные инструкции, приносят географическую карту и нижеследующий текст, каковой утверждается и подписывается Четырьмя:

«Редакционный комитет включит в мирный договор с Австрией границу между Италией и Австрией, как она была указана в Лондонском договоре от 26 апреля 1915 г., с приведенными на прилагаемой карте изменениями, в силу которых Италии передается долина реки Секстен и определенная зона по соседству с Тарвисом. Долина Клагенфурта, включая город Клагенфурт, будет передана на основе плебисцита в шестимесячный срок со дня подписания мирного договора с Австрией».

Вопрос о «треугольнике», в который входит Асслинг, откладывается до вынесения союзными и присоединившимися державами решения, которое будет принято Австрией.

Хэнки поручено отправить это постановление в генеральный секретариат для передачи редакционному комитету*.

* Относительно Бреннера следует иметь в виду, что, как полагают некоторые, эта «жизненно вредная уступка» была сделана Вильсоном еще в январе 1919 г. под впечатлением возбуждения и волнения, вызванного его «римским триумфом».

Р. С. Бэкер (op. cit., v. II, p. 146) пишет: «Уже давно президент Вильсон, к сожалению, обещал Орlando границу Бреннера, в связи с чем Италия получала около 150 тысяч немецких тирольцев; впоследствии он рассматривал этот свой шаг как серьезную ошибку и глубоко об этом сожалел. Это было сделано им еще до того, как он тщательно изучил предмет, но он взял на себя это обязательство по той причине, что Орlando требовал предоставления ему стратегической границы. Быть может, он думал, что уступка в Альпах будет способствовать смягчению итальянских требований в Адриатике, но итальянцы хотели и то и другое».

Неизвестно, к какой именно дате относится это «уже давно» Бэкера, но, судя по месту, занимаемому этим отрывком в его книге, речь идет, повидимому, о первых месяцах 1919 г.

Впрочем, Бэкер пишет (op. cit., v. III, p. 259) о «базе, рекомендованной 21 января 1919 г. американскими экспертами для урегулирования итальянской границы, причем в качестве северной границы рекомендуется средняя линия, проходящая между лингвистической линией и границей, предусматриваемой Лондонским договором».

Помнится, я видел соответствующую карту, повешенную 12 марта 1919 г. в комнате, соседней с рабочим кабинетом президента Вильсона. По этой карте Италия не получала ни Бреннера, ни Фиуме, ни всей Истрии, ни Далмации. Додеканез фигурировал на ней в качестве владений, присужденных Греции.

Сеймур (op. cit., v. IV, p. 450) пишет: «Он (президент) совершил дальнейшую ошибку, которую он впоследствии сам признал, согласившись

Передаю одному из американских секретарей это постановление для напечатания на пишущей машинке и беру один экземпляр. Зачитывается доклад Жюля Камбона о его беседе с сербско-

на итальянское требование о Бреннере, быть может, наименее оправданное из всех итальянских требований. Несколько лет спустя полковник Хауз обсуждал этот вопрос с г. Фразье, присутствовавшим в период мирной конференции при многих переговорах между президентом и итальянцами. Фразье говорил мне, — пишет Хауз, — что Вильсон обещал Орlando отдать Тироль Италии. Он сказал мне, что Орlando просил его, Фразье, быть переводчиком между ними и что никто, кроме Вильсона, Орlando и его, при этом не присутствовал. Орlando вкратце изложил вопрос о Фиуме; Вильсон ответил: «Я не могу согласиться, чтобы Фиуме перешел к Италии, но что касается линии Бреннера, вы можете рассчитывать на меня». Это не удовлетворило Орlando, но Вильсона связало обещание... Я много раз думал, по какой причине Вильсон дал свое согласие на установление этой линии. Клемансо, Ллойд Джордж и я обсуждали этот вопрос во время процедуры по заключению перемирия и пришли к единодушному заключению, что Тироль не должен быть отделен от Австрии. Они были связаны тайными договорами, но полагали, что Соединенные Штаты могли бы протестовать.

Но и здесь неясно, к какому времени относится «уступка» Вильсона, но, насколько мне известно, в одной из первых бесед, состоявшихся между Вильсоном и Орlando 9 января 1919 г. в Париже — через несколько дней после «римского триумфа», Вильсон дал понять, что Италии можно передать «часть Истрии». Но не более.

Мне, однако, известно также, что 14 апреля во время утренней беседы с премьером Орlando, когда последний приступил к изложению итальянских требований, начав с требования о линии водораздела Альп, президент Вильсон сказал ему, что «бесполезно настаивать на этом, так как он отдает нам линию Альп». Тогда же Вильсон передал Орlando географическую карту, служившую приложением к меморандуму, в котором было сказано: «Я лично вполне согласен признать, чтобы Италия получила на всем протяжении своих северных границ и повсюду, где она соприкасается с австрийской территорией, все то, что ей предназначалось по так называемому Лондонскому договору».

Правда, на другом заседании, состоявшемся 14 же апреля, Орlando обратил внимание Вильсона на то обстоятельство, что географическая карта и меморандум, переданные ему сегодня утром, не совпадают между собою в части, относящейся к линии Бреннера. Вильсон ответил: «Этo меня не касается. Изменение на карте, означающее сокращение линии, предусмотренной Лондонским договором, соответствует желанию г. Ллойд Джорджа. Я считаю, что граница Бреннера принадлежит вам».

19 апреля Вильсон, как это показано на стр. 170, вновь заявил Четверем, что он не имеет возражений относительно северных границ, указанных премьером Орlando.

В послании, опубликованном 23 апреля, он писал: «На севере и северо-востоке она (Италия) вступает в естественные свои границы вдоль альпийских горных цепей».

В своем публичном ответе Орlando отметил это заявление: «Президентское послание признает необходимым отметить, что Италия с получением указанных в послании земель достигла барьера Альп, служащего ей защитой. Это является признанием, имеющим большое значение, если, однако, восточная сторона этого барьера не будет оставлена открытой и права Италии будут распространены на линию Монте-Невозо...»

Однако, когда 7 мая, как это видно из настоящего Дневника, Ллойд Джордж, желавший ускорить редактирование мирного договора, заявил: «Вопрос о границах между Австрией и Италией не подлежит обсуждению», Вильсон ответил: «Мне хотелось бы подумать над этим».

Правда, из других указаний, также занесенных в настоящий Дневник,

югославской и чехо-словацкой делегациями, которые возражают против того, чтобы Австрийская республика называлась «Немецкой Австрией»⁴³. Название это находится также в австрийском законе от 14 марта 1919 г. и других официальных документах. Они требуют исключения из текста слова «немецкая», которое

явствует, что передача Бреннера была, повидимому, давно решена: Лансинг, повторяя фразу Бальфура, заявил на заседании, состоявшемся 10 мая на Кэ д'Орсе, что «Совет решил отдать эту территорию Италии»; затем, 23 мая, как сообщал Ллойд Джордж, английский полковник Рэдклифф говорил Вильсону: «Если вы отдаете Италии 200 тысяч немцев на Бреннере...», и, как об этом сказано несколькими страницами выше, на дневном заседании 27 мая президент Вильсон напомнил о принципе, которого он решил придерживаться в итальянском вопросе, и заявил о своем нежелании менять свое решение относительно Италии, «где горная цепь отчетливо отмечает собой естественную демаркационную линию».

Во всяком случае до 29 мая не было принято формального и окончательного решения, и в английских черновиках схемы договора, которые через день должны были быть вручены Австрии, содержалась вышеуказанная оговорка об итало-австрийской границе, которую «предстояло определить впоследствии».

Относительно того, какие именно обстоятельства окончательно обеспечили за нами линию Бреннера, относя к их числу не только реальные силы, определившие эту линию, но и внешнюю ее историю (весьма мало известную, как об этом свидетельствуют цитированные мною отрывки из двух книг Бэкера и Сеймура, считающихся наиболее документальными и подлиннейшим образом отражающими взгляды президента Вильсона), я счел необходимым запросить премьера Орландо, который в письме от 25 октября 1935 г. сообщил мне нижеследующее:

«Предыдущие переговоры относительно итальянских требований создавали почву для этого противоречия; Вильсон (новое доказательство взятого им на себя обязательства перед Югославией), выказывавший гордую неприязнь к вопросу о включении в наши границы славянского населения, обнаружил индифферентное отношение к вопросу о возможном включении немцев. Более того, он пользовался выказываемой им готовностью предоставить Италии линию Бреннера как средством для того, чтобы принудить нас к отказу от наших требований в Адриатике. Союзники (Франция и Англия) поддерживали взаимный контакт с австрийцами в надежде использовать какие-либо уступки в пользу последних в области верхнего Адриатика в целях усиления препятствий, направленных к удержанию Австрии от тяготения к Германии».

Вильсон, таким образом, пользовался Бреннером в качестве как бы заложника в интересах Сербии. Когда во второй половине апреля последние с Вильсоном резко обострились и дело дошло до разрыва, вопрос о Бреннере окончательно повис в воздухе. Прибыла австрийская делегация. Трактат с Австрией был всесторонне рассмотрен нами. Четырьмя, за исключением вопроса об итальянской границе.

Встретившийся этим обстоятельством, я проработал (слово это точно выражает мою мысль) различные компромиссные решения, последним из которых является компромисс, предложенный Тардьё. В сопоставлении с тем, чем в конечном счете явилось урегулирование адриатического вопроса, компромисс Тардьё представлял собой новую, отчасти лучшую, частью же худшую, но в общем эквивалентную форму компромиссного соглашения. Но, повторяю, я проработал эти переговоры, главным образом, с целью найти выход из положения, создавшегося в связи с вопросом о Бреннере. Оставляю в стороне многие частности, не представляющие в настоящем случае интереса. Вечером 28 мая, за день до кануна предполагавшегося вруче-

между прочим фигурирует в тексте верительных грамот австрийских делегатов на мирной конференции.

Ллойд Джордж.—Я согласен, что не следует допускать слова «немецкая».

ния договора австрийцам, мне удалось сообщить Вильсону через полковника Хауза, что я, стремясь к ликвидации обострившейся борьбы, готов принять компромиссное предложение Тардье в качестве основы обсуждения вопроса. В связи с этим сообщением утром следующего дня состоялось заседание Четырех. В соответствии с моими намерениями в результате этого заседания (по крайней мере в результате непосредственного его действия) лед, образовавшийся между мною и Вильсоном, был сломан. И тогда разыгралась следующая сцена. Я прихожу с Хаузом и застаю Вильсона с Клемансо и Ллойд Джорджем. Вильсон поднимается с места и идет ко мне с раскрытыми объятиями и, почти обнимая меня, заявляет, что, согласившись на компромиссное предложение Тардье хотя бы в качестве базы обсуждения, я по его мнению, проявил дух примирения, который он сумел оценить и по поводу которого он выражает свое восхищение и т. п. После чего, оглядевшись вокруг, спрашивает: «Как же было постановлено поступить завтра в вопросе об итальянской границе?» Неловкое молчание обеих сторон. Полковник Ханки отвечает, что в мирных условиях, уже переданных в типографию, пункт о границе с Италией помечен словом «Reservée» [«Отложено»]. Вильсон, со своей стороны, заявляет: «Но вопрос этот не следует откладывать; Италия имеет право на эту линию, и она должна быть ей передана!» Следует молчание двух других. Ханки спрашивает: «Отдадим ли мы линию на Бреннере, как это следует из Лондонского договора?» Вильсон: «Да, но с некоторыми изменениями, потому что пограничная линия, предусмотренная Лондонским договором, недостаточно справедлива для Италии (sic!). Линию эту следует исправить, добавив к ней Секстен и долину Тарвиса». Молчание продолжается.

И мы получили Бреннер, а кроме того, долины Тарвиса и Секстена!» Неоднократно в настоящем примечании и других местах этой книги мне приходилось приводить враждебные суждения, касающиеся получения нами Бреннера. Приведу последнее из этих высказываний. Бывший британский посол в Вашингтоне лорд Брайс, который не мог не знать об обязательстве, взятом на себя его правительством по Лондонскому договору, писал полковнику Хаузу, как передает Ч. Сеймур (op. cit., т. IV, p. 450), что он «горячо надеется, что 900 тысяч тирольцев немецкого происхождения не будут переданы Италии». Это можно присоединить к тому, что в настоящем примечании Хауз приводит в качестве доказательства двойственности Клемансо и Ллойда Джорджа в вопросе о Бреннере; вышеприведенное соответствует также словам Вильсона, сказанным Орландо по поводу географической карты о «желании» Ллойда Джорджа, настроенного против подписанного Англией договора.

Но мне хочется повторить здесь сказанное мной в предисловии к настоящей главе, а именно, что наиболее северная вершина линии Альп, несомненным образом заканчивающая собой на севере итальянскую границу, называется «Итальянской вершиной», являющейся надежным географическим и историческим свидетельством в пользу того, что мы требовали и получили. С итальянской стороны никогда не отрицалось, что по эту сторону альпийской «завесы» живут инородцы, но, как я уже имел случай говорить Штреземану, когда в бытность мою в течение почти четырех лет в Берлине мы единственный раз коснулись этого вопроса, инородцы эти, представляющие собой остатки иностранных нашествий, «не должны были бы там находиться».

Мне хочется напомнить еще о недвусмысленном заявлении Соннино по этому поводу. В момент заключения перемирия с Австрией Фразье, пользующийся доверием Вильсона и Хауза, спросил итальянского посла в Париже графа Бонин-Лонгаре, включен ли Триест в число наших условий перемирия

Вильсон.—Согласен.

(Выносится решение в этом смысле; Хэнки распорядится, чтобы генеральный секретариат известил об этом редакционный комитет.)

Чешский и сербский делегаты Крамарж и Пашич прислали письмо, прося об изъятии некоторых политических статей, предложенных комитетом по делам новых государств для включения в договор с Австрией.

(Решено сообщить эти статьи редакционному комитету и дать возможность вышеназванным делегатам изложить свою точку зрения на дневном пленарном заседании.)

Польско-украинское перемирие.

.....
Данциг.

.....
Конвенция об оккупации рейнских провинций. Оккупационные войска.

.....
Президент Вильсон зачитывает письмо, полученное им от американского делегата в междусоюзнической комиссии по рейнским делам П.-Б. Нокса. Он сообщает, что, по его мнению, конвенция об управлении рейнскими территориями, подготовленная 11 мая военными представителями Высшего совета, более «труба», чем этого могли бы желать сами ее авторы, если бы они над этим снова поразмыслили. Конвенция эта регламентирует «невыносимое» притеснение шести миллионов населения в течение многих лет.

Ллойд Джордж.—По-моему необходимо пересмотреть весь вопрос об оккупации рейнских провинций. Оккупация России иностранными войсками, судя по полученным мною сведениям, создала там большевизм. Оккупации порождают антагонизмы между народами. Затем это наложило бы на Германию очень тяжелое финансовое бремя. Я считаю, что нами было принято

и можем ли мы со всей уверенностью настаивать на нашем утверждении об итальянском характере Триеста. Бонин ответил ему, что достаточно провести несколько часов в Триесте, чтобы убедиться, что находишься в таком же итальянском городе, как Венеция. Фразье говорил затем о верхнем Адидже, и Бонин ответил ему, руководствуясь недавней телеграммой Соннино, в которой указывалось, что граница Бреннера предполагала включение в состав королевства полосы земли вверх от Больцано, населенной инородцами. Но линия, намеченная Лондонским договором, была продиктована не только неоспоримыми соображениями, но и стремлением к обеспечению длительного мира. «Эти наши справедливые притязания не заключают в себе стремления ни к завоеванию, ни к обеспечению какого-либо преобладающего положения, дающего нам легкую возможность агрессии против какого-либо соседнего государства, и являются просто лишь стремлением к обеспечению равенства военных позиций, при котором возможно усилить разоружение и вступить в период мирного строительства в свободном сотрудничестве со всеми народами».

слишком поспешное решение. В течение 15 лет Германия не будет представлять опасности. Опасность начнется по прошествии этих 15 лет. А мирный договор предусматривает, что оккупационных войск будет меньше, когда Германия станет сильнее.

Клемансо.—Я отнюдь не намерен пересматривать то, что было установлено в договоре.

Ллойд Джордж.—Как представитель державы, нанесшей поражение Германии, настаиваю, чтобы вопрос был пересмотрен. Я имею право быть выслушанным.

Вильсон.—С моей точки зрения, жизнь гражданского населения должна протекать без вмешательства военных.

Клемансо.—Я согласен с точкой зрения президента Вильсона, но не желаю, чтобы решение было пересмотрено.

Вильсон.—Можно назначить комиссию, которая изучит вопрос.

На Ка д'Орсе, куда я отправился днем, чтобы узнать о положении дела с австро-итальянской границей, встречаю Гиманса. «Вы были вчера на заседании с делегатами Люксембурга?—спрашивает он.—Вы слышали, что вчера Клемансо предлагал заключить тройственное экономическое соглашение между Францией, Бельгией и Люксембургом?» Отвечаю: «Да». Гиманс: «А сегодня он отрицает, что говорил об этом».

Мне сообщили, что, несмотря на недвусмысленное решение, вынесенное сегодня утром, английские и американские эксперты отказываются внести в мирные условия, подлежащие предъявлению Австрии, определение итало-австрийской границы.

В противовес американскому эксперту по итальянским вопросам Джонсону, полагающему, что вопрос об итало-австрийских границах должен быть отсрочен и требующему новых инструкций, я представляю текст решения, вынесенного сегодня утром. Вопрос улажен. Граница Бреннера включается в схему договора с Австрией.

15 часов.—Заседание на Ка д'Орсе с представителями малых держав, принимавших участие в войне или прервавших отношения с Австро-Венгрией. Им сообщают утвержденные Четырьмя условиями мира, которые будут предъявлены Австрии.

Братиану требует по крайней мере 24-часовой отсрочки, с тем чтобы изучить и затем обсудить названные условия.

Предоставляется 48-часовая отсрочка. Таким образом, вручение условий Австрии не может состояться, как было установлено в пятницу утром; они будут вручены на ближайшей неделе.

Газета «Temps» почти полностью публикует формулу адриатического соглашения, утверждая, что оно принято премьером Орландо. Итальянские журналисты вынесли неблагоприятное впечатление и пришли в гостиницу «Эдуард VII» за получением сведений. Я говорю им, что пока ничего определенного не имеется.

Пятница, 30 мая.

Соннино сегодня утром прочитывает мою запись позавчерашней беседы между Орландо, Ллойд Джорджем и Хаузом. Соннино пришел в бешенство, когда узнал о сделанных нами уступках. Он требует немедленного созыва итальянской делегации.

Я не присутствую на заседании. Повидимому, проект Тардье был частью согласован между Тардье и Креспи. Имперали, которого я встретил через несколько часов, все еще очень взволнован в связи с тем, говорит он, что между Соннино и Креспи произошла крайне бурная сцена.

Тотчас же после заседания я снова увидел Соннино. Он был спокоен.

10 с половиной часов.—С Орландо у Вильсона.

Вильсон очень нервничает, лицо его подергивается.

Орландо излагает Вильсону проект разделения Фиуме на две части во избежание конфликтов между двумя национальностями, могущих отразиться на их взаимоотношениях.

Вильсон высказывается против этого проекта.

Речь заходит о Малой Азии. Вильсон говорит, что нельзя выносить решения без предварительного расследования на месте.

.....

Орландо затронул вопрос об Асслинге.

Вильсон говорит: «Об этом речь пойдет на дневном совещании».

.....

Новое заседание итальянской делегации в гостинице «Эдуард VII». На этом заседании я не присутствую.

Таон-ди-Ревель телеграфирует, что, по сведениям, сообщенным итальянским военным кораблем «Дуилио», греческий верховный комиссар заявил нашему делегату в Смирне, что греческие войска получили приказ продвинуться на юг от Айясолука и занять без промедления Сокиа* и что задержатся только с занятием города Скалановы, входящего в зону, предназначенную Греции.

По распоряжению Соннино сообщаю об этом Русполи, чтобы он уведомил Ревеля о том, что в решениях, принятых 19 мая Советом Четырех и сообщенных по телеграфу адмиралу Калторпу, ничего не изменилось, поэтому наши войска не должны покидать ни одной из занятых ими местностей и оставаться в

* Впоследствии оказалось, что 29 мая войска были высажены в Айвалыке.

Великий визирь⁴⁴ протестовал по поводу этого десанта перед союзными верховными комиссарами в Константинополе, утверждая в риторически расцвеченной ноте, что это «доводит турецкий народ до высшей степени раздражения».

От греков же пришла восторженная телеграмма из Айвалыка: «Aivalik, la vierge capitale martyre d'Eolie, delivrée des martyres et des souffrances de l'hideux joug turc» [«непорочная мученица Айвалык—столица Эолии, освобождена от ужасов отвратительного турецкого ига»].

Скаланове и Сокиа, заняв также Магнезию. Командование судна «Дуилио» будет поддерживать связь с адмиралом Калторпом, чтобы быть осведомленным о случаях греческой оккупации, могущих иметь место с его разрешения.

16 часов.—Заседание Четырех у Вильсона.

Перед началом заседания Вильсон рассказывает о том, что он обращался к кому-то за разъяснением значения слова «Пуанкаре» и узнал, что слово это означает «квадратный кулак».

Клемансо.—Нет. Здесь недостает буквы «g». «Пуанкаре» ближе по своему значению к выражению «point carré» — «not square» — «нелойальный», что является более верным определением *. Это был хороший министр, но он не подходит для роли премьера.

Орландо.—Передаю документ, касающийся положения в Каринтии. Из этого документа явствует, что 27-го числа Югославия возобновила враждебные действия. Днем 29-го числа австрийский делегат при правительстве Каринтии уведомил ближайшее итальянское командование о том, что югославские войска, вероятно, войдут сегодня в Клагенфурт и что Виллах также находится в опасности. Я считаю необходимым, чтобы междусоюзническая комиссия в составе четырех офицеров — английского, французского, американского и итальянского — немедленно отправилась на место для прекращения враждебных действий.

Клемансо.—Необходимо также дать знать грекам, чтобы они не продвигались на юг от Магнезии.

Вильсон.—Было бы лучше, если бы г. Клемансо от имени главных союзных и присоединившихся держав послал немедленно нашим друзьям в Югославию письмо с предписанием прекратить бой, если они хотят, чтобы вопрос о границах был урегулирован, и предупредить их при этом, что во всяком случае результат боев не повлияет на окончательные решения, касающиеся их границ.

Клемансо.—Согласен. Это — невероятное выступление.

Статьи 102 и 104 договора с Германией.

Клемансо.—Я получил письмо от турецкого великого визиря, который просит разрешить ему прибыть в Париж, с тем чтобы «дать разъяснения» конференции.

Ллойд Джордж.—Я не вижу необходимости обращаться с турками, как с немцами. Можно было бы разрешить им приехать. Равно как и болгарам, если они хотят.

Вильсон.—Прежде всего они будут протестовать по поводу того, что нами было сделано в Смирне.

Клемансо.—Отчего бы им не протестовать?

* По поводу этой игры слов, которая так свойственна французскому языку, мне говорили, что Клемансо сказал одной даме, которая написала его имя, акцентировав первое «е», чего он сам не имел обыкновения делать: «Je ne suis ni clément, ni sot!»⁴⁵.

Ллойд Джордж.—Пусть протестуют. Но я хотел бы, чтобы заседания происходили на яхте, потому что здесь скоро станет очень жарко.

Статья 228 договора с Германией.

Орlando спрашивает, будут ли политические статьи, касающиеся передаваемых Италии австрийских территорий, готовы для включения в договор, который должен быть передан австрийским делегатам в понедельник. Я сообщаю, что комиссии, которым были переданы вышеназванные статьи, соберутся сегодня в 15 часов. Хэнки поручено проследить за этим.

Германские контрпредложения.

Германская нота о международной организации труда.

Предложения Крамаржа, касающиеся политических статей, относящихся к Чехо-Словакии.

Сегодняшнее совещание откладывается, так как статьи договора с Австрией, на которые ссылается Крамарж, не готовы.

Польско-украинское перемирие.

Ллойд Джордж.—В документе, переданном нам вчера г. Клемансо, говорится, что генерал Галлер утверждает, будто он не получал инструкций, запрещающих ему пользоваться своими войсками против украинцев. Мне кажется, что военные смеются над нами, игнорируя наши распоряжения.

Клемансо (бросает недовольный взгляд на Ллойда Джорджа и затем начинает улыбаться).—А если мы уже получили ответ?

Ллойд Джордж.—Я хотел бы видеть первоначальный приказ. Мы послали распоряжение Фошу. Мне неприятно говорить об этом предмете. Но у меня есть кое-какие сомнения. Я думаю, что Галлер не получал ясного распоряжения. Это в духе Фоша*. Следовало бы произвести расследование.

Орlando.—Мне говорили, что редакционный комитет не получал инструкций относительно статей, подлежащих включению в договор с Австрией по вопросу о бывших австро-венгерских, чехо-словацких и других подданных, виновных в нарушении военных законов.

Вильсон.—Затруднение заключается в том, что австрийский договор не может обязать Чехо-Словакию.

* Вероятно, Ллойд Джордж имел в виду известный поступок Фоша, который вследствие неодобрительного, со своей стороны, отношения к условиям мира с Германией, к тому времени уже установленным французами, не отправил генералу Дюрану 17 апреля 1919 г. телеграмму о приглашении немцев, как это ему было поручено Клемансо от лица союзных и присоединившихся держав.

Орландо.—Чехо-словаки могут, однако, взять на себя обязательство предавать суду лиц, обвиняемых в нарушении этих законов.

Предложение принимается, и Четверо подписывают нижеследующее решение:

«Статьи 228 и 230 договора с Германией в части, касающейся лиц, обвиняемых в совершении актов, противоречащих законам и обычаям войны, относятся равным образом к правительствам государств, которым были переданы территории, принадлежавшие бывшей австро-венгерской монархии, если эти лица находятся на территории, состоящей в распоряжении вышеназванных государств.

В случае, если названные лица приобрели гражданство одного из этих государств, правительство каждого из них обязуется принять все необходимые меры для обеспечения предания их суду и наложения кары по требованию и по согласованию с заинтересованной державой».

Во время заседания я получаю переданную мне Скордией следующую телеграмму Ревэля, которую я тотчас же сообщаю Орландо:

«Для их превосходительств Орландо и Соннино. Ссылаясь на сообщения адмирала Грасси, имею честь высказать мое мнение относительно необходимости, с точки зрения морских интересов, безусловного и бесконтрольного владения нами городом Себенико и островами, простирающимися до Зары. Что касается урезанной Истрии и Фиуме, то всякий контроль над ними явился бы причиной новых великих страданий и унижения. Если того не требуют неизвестные мне политические соображения, соблюдение Лондонского договора было бы предпочтительнее компромиссов, которые впоследствии повели бы к большему нашему материальному ущербу и ослаблению нашего престижа.

Ревэль».

Заседание закрывается.

Сегодня вечером большой банкет в «Ритце», устраиваемый маркизом Солари. Итальянцы и португальцы. Кстати, о португальских колониях: обширные территории, огромные возможности для итальянской рабочей силы.

Суббота, 31 мая.

15 часов.—На Кэ д'Орсе, в зале Часов, пленарное закрытое (присутствует более 150 человек!) заседание с участием малых держав для «обсуждения» мирных условий с Австрией, которые будут вручены в понедельник.

Итальянская делегация, согласно расписанию мест, располагается за отведенным ей столом, поставленным в форме подковы, как раз напротив югославской делегации—Пашича, Трумбича, Веснича.

Клемансо сильно нервничает.

Братиану пытается что-то сказать по поводу статей о защите меньшинств, которые распространяются и на Румынию. Ллойд Джордж, обращаясь к Клемансо, бормочет недовольным тоном: «Этот смешной чудак*, который теперь так волнуется, вел себя иначе во время войны». Братиану выражает сожаление по поводу того, что обязательства о меньшинствах предусматриваются в отношении Сербии, Румынии, но не Италии. Ллойд Джордж говорит вполголоса: «Потому что евреев преследуют в Румынии, а в Италии их не преследуют». Клемансо отвечает Братиану нелюбезно, в отрицательном смысле. Говорят также Падеревский, Крамарж, Трумбич. Встает Вильсон и с присущим ему учтиводоctorальным и пресвитериански-догматическим красноречием советует малым державам согласиться с решением великих держав.

Тотчас же по окончании речи Вильсона Клемансо встает и говорит: «Нет ли других замечаний?» и, не дожидаясь ни одной секунды, объявляет: «Заседание закрывается».

Сегодня утром Вильсон послал в редакционный комитет личные инструкции об изъятии из трактата с Австрией пункта, касающегося Асслингского «треугольника». Как мне говорил Риччи Бузатти, комитет, разумеется, отказался принять их во внимание. На сегодняшнем пленарном заседании Вильсон переслал Орlando карандашную записку, в которой просил подписать, как это было уже сделано им, Клемансо и Ллойд Джорджем, приложенный к ней документ, содержащий инструкции редакционному комитету в вышеуказанном смысле. Орlando соглашается.

Во время заседания завязывается продолжительная беседа между Ллойд Джорджем и Венизелосом. Быть может, речь идет о греческих захватах в Малой Азии, о чем сообщалось в газетах.

Фош говорит мне, что в России белые вскоре займут Петроград. Финляндские войска движутся медленно из-за трудностей снабжения. Впрочем, они не должны вступать в Петроград без представительства союзников. Я спрашиваю его, не знает ли он чего-либо о Каринтии. Фош отвечает: «Мне ничего об этом неизвестно. Этот сектор находится не под моим командованием, и я им не занимаюсь».

Вильсон говорит Орlando, что южные славяне готовят и вечером вручат меморандум относительно проекта соглашения с Италией. Орlando отвечает, что соглашение следовало бы осуществить и опубликовать возможно скорее; только таким путем можно было бы избежать в Италии проявления слишком большого недовольства по поводу сделанных уступок, сведения о которых уже проникли в печать.

Бардзилаи нашел в итальянской корректуре вступления к мирному договору с Австрией, полученной утром, фразу:

*Ллойд Джордж сказал «d... fool».

«Принимая во внимание, что, благодаря свободному волеизъявлению народов бывшей австро-венгерской монархии, монархия эта в настоящее время перестала существовать...»

Бардзилаи негодует и выходит из себя. Этим, повидимому, хотят совершенно обесценить значение итальянской победы.

Говорю об этом генеральному секретарю Дютасте; он не знает, кому принадлежит эта фраза; извещаю об этом Орlando—он немедленно заявит об этом на заседании Четырех.

17 час. 30 мин.—После пленарного заседания заседание Четырех на Кэ д'Орсе в кабинете министра Пишона.

(Хэнки представляет различные документы, касающиеся принятых вчера и сегодня решений. Среди них имеется решение относительно изъятия из текста договора указания на Асслингский «треугольник», о чем просил Вильсон и получил согласие также от Орlando, кроме того, черновик письма, которое должно быть послано югославской делегации в Париже и сообщено по телеграфу союзным посланникам в Белграде для прекращения военных действий между южными славянами и австрийцами в Каринтии (утверждается); предложение великому визирю прислать турецкую делегацию в Париж и т. д.)

Орlando.—Обращаю внимание на следующую фразу, которая фигурирует во вступлении к мирному договору с Австрией:

«Принимая во внимание, что, благодаря свободному волеизъявлению народов бывшей австро-венгерской монархии, монархия эта в настоящее время перестала существовать...»

Свободное волеизъявление народов! Кто автор этого утверждения? Ясно, эти слова оскорбляют правду и итальянское общественное мнение. Они обесценивают роль итальянской армии.

Ллойд Джорджс.—Я согласен на изъятие этой фразы также и потому, что фраза эта выражает непочтительное отношение к монархии (английской).

(Выносятся решение об изъятии цитированных Орlando слов.)

Орlando.—В том же вступлении сказано, что союзные и присоединившиеся державы признали Сербо-хорвато-словенское государство. Италия его не признала. Не помню, были ли редакционному комитету даны инструкции касательно этого вступления.

Вильсон.—Фразу можно было бы исправить следующим образом: «Так как большинство главных союзных и присоединившихся держав уже признало...» и т. д. Замечу, что Польша не включена.

Тем временем по требованию Клемансо в зал заседаний входит редакционный комитет. Фромажо, являющийся его членом, отмечает, что, когда по случаю вручения мирного трактата Германии были предъявлены и приняты верительные грамоты сербо-хорвато-словен, факт этот был сочтен равноценным признанию*.

Орlando.—Не настаиваю.

* Ср. стр. 223.

После краткого обсуждения выносится решение не вносить изменений в статьи мирного договора с Австрией, касающиеся прав меньшинств, вопреки тому, о чем только что просил Братину на пленарном заседании конференции.

Входит Жюль Камбон, который предлагает внести изменения в статью договора с Австрией, касающуюся границ Чехо-Словакии, в соответствии с частью только что выдвинутых чехо-словацкой делегацией требований.

(Совет принимает предложение; главы правительств парафируют новую статью; Хэнки поручается препроводить ее в редакционный комитет.)

Камбон уходит. Входит Дютаста и вручает Клемансо письмо.

Клемансо.— Я получил письмо от главы австрийской делегации г. Реннера, который хочет поговорить со мной. Если будет на то согласие моих коллег, я предполагаю ответить ему, что было решено не вступать в устные переговоры, а сноситься с мирными делегациями лишь письменно, но что, однако, если г. Реннер желает послать мне конфиденциальное письмо, я могу взять на себя обязательство ознакомить с ним только четырех глав правительств.

(Собрание выражает свое согласие.)

Дютаста удаляется. Входит Тардьё.

Предложение об отправке межсоюзнической комиссии в Сирию для расследования.

Клемансо.— Я не собираюсь посылать ни одного француза до тех пор, пока продолжается английская оккупация в Сирии.

Ллойд Джордж.— Равно как и я, если французы не пошлют.

Орlando.— Я поступлю так же.

Ллойд Джордж выражает Орlando живейшую радость по поводу принятого решения. Тогда Орlando начинает сомневаться в том, что он поступил правильно, тем более что это может не понравиться Вильсону.

Орlando.— Я хочу передать на утверждение моих коллег несколько поправок к финансовым статьям мирного договора с Австрией, уже подписанных итальянским, французским, английским и американским представителями в соответствующем комитете.

Вильсон.— Прежде чем дать свое согласие, я хотел бы получить кое-какие сведения.

В поздний час пришло известие, что южные славяне отвергли основы соглашения с нами*.

* 31 мая Хауз пишет (*Seymour*, op. cit., v. IV, p. 488): «У нас было совещание с южными славянами. Они сообщили нам о неприятии ими наших вчерашних предложений. Они назвали свой ответ «уступкой», но, как каждый из нас мог видеть, ответ этот означал, что через три года все далматинское побережье, Истрия и острова перейдут к Югославии.

Они подготовили тщательно разработанный план, по которому через три года путем плебисцита все, несомненно, перешло бы к ним. Они не оставили итальянцам ни малейшей возможности (loop-hole) победить. Когда я об этом сообщил президенту, он заявил, что они правы».

Воскресенье, 1 июня.

Сегодня у Вильсона большое оживление по поводу Клагенфуртской зоны.

Южные славяне, видимо, дали знать, что не примут участия в завтрашнем пленарном заседании, если вопрос о Клагенфурте не будет отложен или по крайней мере не будут приняты их предложения о голосовании по общинам, а не всем блоком. Они знают, что в последнем случае результат голосования будет для них неблагоприятным. Вильсон, однако, заявляет, что он не согласен на дальнейшие изменения.

Вильсон подписывает только в 19 часов сегодня вечером финансовые статьи договора с Австрией, относительно которых говорил вчера Орlando и по которым Вильсон выдвинул оговорку.

За обедом сижу рядом с Коромиласом*. Он говорит, что Грецию неоднократно приглашали занять Смирну. Он полагает, что греки Додеканезских островов желают плебисцита. Я спрашиваю его об Айдыне. Отвечает: «Адмирал Калторп разрешил нам немедленно произвести оккупацию».

Понедельник, 2 июня.

Еду в автомобиле с Соннино в Сен-Жермен.

Молчание в течение всего пути.

Замок Сен-Жермен походит на крепость и местами на тюрьму. Часть замка в настоящее время отведена под геологический музей. Мне вчера рассказывали, что на стенах зала, в котором состоится вручение мирных условий, сделаны различные надписи, одна из которых, расположенная как раз напротив стола, за которым будут заседать австрийские делегаты, гласит: «Кости вымерших пород животных». Клемансо, приехав в замок, пожелал убедиться, все ли в порядке для заседания. Его спросили, не следует ли стереть эту надпись. «Нет,—ответил он,—она очень кстати в данном случае».

За подъемным мостом, по которому мы переходим пешком, на архитраве входного портала мое внимание привлекают два рельефа XVIII века, повидимому изображающие Победу и Славу.

Входим во двор. Среди орнаментов нахожу саламандру—символ Франциска I, реставрировавшего замок и пожелавшего, как мне говорили, придать двору форму греческой дельты, совпадающей с начальной буквой имени Дианы Пуатье.

Во дворе встречаемся с Фошем. Обращаясь к Соннино, он говорит с улыбкой: «*Вы приехали свернуть шею вашему врагу!*»

Соннино молчит.

В нижнем этаже при входе вижу изображения римских побед: триумфальные арки или колонны Траяна.

* Греческий посланник в Риме.

Поднимаемся по лестнице. В одной из комнат, через которую пройдут австрийские уполномоченные, рассматриваю оружие отдаленнейших времен, между прочим топор, состоящий из большого куска камня, вставленного в олений рог; дикие варварские орудия, которые связываются в моем представлении с оружием, которым наш враг пользовался в этой войне.

Вильсон опаздывает, как говорят, из-за автомобильной аварии или же из-за обращения к врачу. Югославские представители, поддержанные некоторыми союзными экспертами, настаивали сегодня утром перед Ллойд Джорджем и Клемансо на том, чтобы вопрос о Клагенфурте был отложен. Эти последние согласились. Орlando представляют документ, отредактированный в этом смысле и подписанный Ллойд Джорджем и Клемансо. Орlando не возражает. Югославы возвращаются к Вильсону, который вопреки вчерашним своим заявлениям выражает согласие. Вопрос о Клагенфуртском бассейне и плебисците, таким образом, откладывается и не будет фигурировать в черновиках мирных условий, которые через несколько минут будут вручены австрийцам.

Церемония протекает примерно в том же порядке, как это имело место 7 мая в Версале при вручении мирных условий немцам, но в весьма смягченном тоне. Когда все союзники заняли свои места, вошли австрийцы. Справа от австрийской делегации находятся среди победителей югославские делегаты с Пашичем и среди них Цоглер, который был министром императора Карла Габсбургского, чехо-словаки во главе с Бенешем и другие австрийцы.

Клемансо встает и спокойно произносит:

«Господа представители Австрийской республики!

Союзные и присоединившиеся к ним державы поручили мне передать вам если не полный текст проекта мирных условий, то по крайней мере готовые его части.

Имею честь сообщить вам, что при этом будет соблюдена следующая процедура: устные переговоры не будут иметь места, и ваши замечания должны быть представлены в письменном виде».

Ни одного намека об ответственности, о жестокостях войны или расплате, один лишь любезный, чисто формальный и процессуальный акт.

Так же поступает Реннер, стоя прочитывающий по-французски свой ответ с любезными улыбками и приветливыми поклонами.

«Дунайская монархия, с которой союзные и примкнувшие к ним державы находились в войне и с которой они заключили перемирие, перестала существовать. 12 ноября 1918 г. может считаться днем ее исчезновения».

Кажется, будто присутствующие здесь австрийцы ничего общего не имеют с войной, вызванной их страной.

«... Наша молодая республика... является лишь несчастной жертвой ужасающего преступления, содеянного в 1914 г. бывшими правительствами, но не народами...»

Реннер заключает свой ответ следующими словами:

«Мы знаем, господа, что вы—победители; вы нам продиктуете условия мира, и мы готовы лояльно рассмотреть все ваши предложения, равно как и все советы, которые мы получим от вас...»

Так как обе речи переведены не только на английский, как было условлено, но и на итальянский язык, мне вручают листок с французским текстом, который был зачитан Реннером.

Я прочитываю его по-итальянски, не преминув отметить любопытные фонетические заметки, нанесенные карандашом в тексте, отпечатанном на машинке, с тем чтобы облегчить Реннеру произношение незнакомых ему французских слов.

В Версале союзные и неприятельские делегаты вышли в две различные двери, в те же двери, через которые они входили вначале. Дютаста указал Клемансо, что таким же образом следовало бы поступить и в настоящем случае, но это не было принято во внимание.

При выходе Диацу и Орландо были поднесены цветы.

За завтраком Орландо выглядит бодрее, чем за последние дни. «Следует досрочно созвать палату»,—говорит он, но, повидавшему, он не питает иллюзий и не обнаруживает желания остаться в составе правительства. Орландо продолжает: «Во всяком случае Бреннер обеспечен. Из остального мы ничем не пожертвовали».

Соннино продолжает безмолвствовать. Его сомкнутые уста не произнесли ни единого слова о том, что сегодняшний день явился днем завершения его мысли, его трагической ответственности, пятилетнего непрерывного труда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Сен-Жермен-ан-Ле* — город во Франции в 19 километрах от Парижа, в котором 10 сентября 1919 г. был подписан договор между союзниками и Австрией.

² *Трианон* — один из дворцов Версаля. Здесь 4 июня 1920 г. был подписан договор между союзниками и Венгрией.

³ *Августео* — большой концертный зал в Риме.

⁴ Альдрованди уклоняется от передачи дискуссии, имевшей место на Парижской конференции, как по вопросу о Советской республике, так и по вопросу о польско-украинской войне. Между тем о взаимоотношениях Польши и Украины, о Галиции и т. д. Парижская конференция имела немало весьма интересных суждений и решений. В частности о польско-украинских отношениях и о польско-украинском перемирии (в 1919 г.) Рене Мартель в своей книге «*La France et la Pologne*» пишет следующее: «Антанта поручила генералу Бартелеми смягчить украинско-польские противоречия. Он

должен был установить *modus vivendi* и заключить перемирие, условия которого должны были затем служить базой для будущих переговоров. Генерал Бартелеми не скрывал от поляков своих симпатий. Он им обещал всяческую помощь Антанты. Кончил он предложением украинцам демаркационной линии, которая отдавала полякам Львов и нефтеносные районы. Заключенное перемирие было нарушено 5 февраля 1919 г.»

⁵ *Партия христианских социалистов*—клерикально-буржуазная партия Австрии, отрицательно относящаяся к объединению Австрии с Германией.

⁶ Имеется в виду провозглашение Германской империи в Версале 18 января 1871 г. Провозглашение Германской империи явилось одним из результатов разгрома Франции в франко-прусской войне 1870—1871 гг.

⁷ 7 мая 1915 г. английский пассажирский пароход «Лузитания» на пути из Нью-Йорка в Ливерпуль был торпедирован германской подводной лодкой. Погибло больше тысячи человек, из которых больше ста являлись американскими гражданами. Последнее обстоятельство сильно способствовало подготовке общественного мнения страны к вступлению Соединенных штатов в войну.

⁸ *Новая Гвинея*—крупнейший остров в Тихом океане. До первой мировой войны был поделен между Голландией, Англией и Германией. После войны германская часть Новой Гвинеи в виде мандата «С» была передана Австралии.

⁹ *Колониальные мандаты*—система, введенная после первой мировой войны в отношении к бывшим германским колониям и владениям Турецкой империи. Номинально подмандатные территории объявлялись свободными, а фактически они перешли к странам-победительницам. Статья 22 устава Лиги наций делит мандаты на три категории: категория «А»—бывшие турецкие владения. Мандатарий ведет их внешней политикой и обеспечивает их защиту. По мандату «А» Сирия и Ливан отошли к Франции, Палестина, Трансиордания и Ирак—к Англии. Мандат «В» дает право на вмешательство и во внутреннее управление. В виде мандата «В» между Англией и Францией были распределены Того и Камерун (германские колонии в Центральной Африке). Мандат «С» ничем не отличается от колониального режима, и на основании такого мандата германские владения в Тихом океане были переданы Японии, а в Юго-Западной Африке—английским доминионам.

¹⁰ *Камерун*—область в Центральной Африке, до войны принадлежала Германии, после войны в виде мандата поделена между Англией и Францией.

Того—бывшая германская колония в Западной Африке, поделенная между Францией (52 тыс. кв. км) и Англией (32,6 тыс. кв. км) в 1928 г.

¹¹ *Самоа*—острова в южной части Тихого океана. До войны два лучших острова—Савайя и Уполу принадлежали Германии, а остров Тутуила—Соединенным штатам. После войны эти острова от Германии перешли к Новой Зеландии.

¹² *Науру*—остров в Тихом океане, до войны принадлежал Германии, по Версальскому договору в виде мандата «С» был передан Британской империи.

¹³ *Германские владения к северу от экватора*—Марианские, Маршалские и Каролинские острова, отошедшие по Версальскому договору в виде мандата «С» к Японии.

¹⁴ *Зона Марбурга и Клагенфурта*.—По Сен-Жерменскому договору союзников с Австрией зона Марбурга отходила к Югославии. Вопрос о принадлежности Клагенфурта решался плебисцитом 10 октября 1920 г. Австрия получила большинство голосов, и Клагенфурт был оставлен за нею. Югославия отказалась признать это решение и оккупировала зону Клагенфурта, но под давлением союзников была вынуждена вывести свои войска. Зона Клагенфурта осталась за Австрией.

¹⁵ В Версальский договор и в сопутствующие ему договоры включена статья, в силу которой «германское (австрийское, венгерское и т. д.) правительство признает за союзными и присоединившимися державами право привлечения к их военным судам лиц, обвиняемых в совершении действий, противных законам и обычаям войны». Далее статья заключала в себе обязательство выдачи германским правительством лиц, к которым будут предъявлены подобные обвинения, для суда над ними в одной из союзных стран.

¹⁶ В текст Версальского договора была включена статья 227, в которой было сказано: «Союзные и присоединившиеся державы предъявляют Вильгельму II Гогенцоллерну, бывшему германскому императору, публичное обвинение в высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров. Специальный суд будет образован, чтобы судить обвиняемого, обеспечив ему существенные гарантии права защиты.

Он будет состоять из пяти судей, назначенных каждой из пяти следующих держав, а именно: Соединенными штатами Америки, Великобританией, Францией, Италией и Японией... Союзные и присоединившиеся державы обратятся к правительству Нидерландов с просьбой о выдаче бывшего императора в их руки для того, чтобы он был судим».

Вильгельм II, как известно, никогда судим не был. Верховный совет союзников обратился к правительству Нидерландов с просьбой о выдаче Вильгельма, но правительство Нидерландов отказало в этом.

¹⁷ *Трентинский (Триденнский) вселенский собор*—созван был 15 марта 1545 г. папой Павлом III. Этот собор заседал с перерывами до 1563 г. Таким образом, Ллойд Джордж, говоря о том, что этот собор заседал 43 года, ошибался, ибо собор заседал лишь 18 лет.

¹⁸ *Бреннер*—горный проход в Тирольских Альпах; на границе Австрии с Италией, до войны принадлежал Австро-Венгрии; по Сен-Жерменскому мирному договору Бреннер отошел к Италии.

¹⁹ *Триест* и *Пола*—города в Истрии; по Сен-Жерменскому мирному договору 1919 г. они перешли от Австрии к Италии.

²⁰ Вопрос о Смирне был предметом острых контrovers как во время войны, так и после нее. По соглашению 1917 г., заключенному путем обмена нот в Лондоне и Париже, Смирна передавалась Италии с обязательством учредить в Смирне порт-франко, поскольку то касается торговли Францией, ее колоний и протекторатов, а также торговли Великобританией и зависимых от нее областей. На Парижской мирной конференции Греция также заявила свои претензии на Смирну. Союзники приняли сторону Греции и дали согласие на оккупацию Смирны греческими войсками. Неограничившись Смирной, греческие войска стали расширять оккупационную зону. В июле 1919 г. Италия в секретном договоре между ее послом в Константинополе Титтони и греческим премьером Венизелосом признала Смирну за Грецией в обмен на признание итальянских притязаний на Албанию (кроме южной части) и на южную часть Анатолии. Севрский договор 10 августа 1920 г. оставлял Смирну с хинтерландом (территория на 100 километров в глубь Малой Азии) под суверенитетом Турции, которая передавала «осуществление своих прав суверенитета над Смирной и хинтерландом» (статьи 65—83) Греции. В сентябре 1922 г. турецкие войска разгромили греческую армию и заняли Смирну. На Лозаннской конференции 1923 г. державы вынуждены были признать Смирну за Турцией.

²¹ *Кавалла*—город в восточной Македонии (Греция), расположенный на берегу одноименного залива Эгейского моря.

²² *Скаланова* (по-турецки—Куш-Адази, по-гречески—Неа Эфеос)—населенный пункт в Турции, в 60 километрах от Смирны (Измира). В 1919 г. был оккупирован греками. По Севрскому договору в 5 километрах от Скалановы проходила граница Смирны с хинтерландом, которые отходили к Греции. В настоящее время Скаланова принадлежит Турции.

²³ «*Блистательная Порта*» — официальный титул турецкого правительства.

²⁴ *Адалия* — провинция с одноименным портом на юге Турции. По соглашению 1917 г., Адалия была включена в итальянскую зеленую зону. Однако после войны Адалия осталась за Турцией.

²⁵ Имеется в виду недействительность договора вследствие выхода России из лагеря воюющих держав.

²⁶ *Граница 1867 г. между Австрией и Венгрией* была установлена после создания дуалистической австро-венгерской монархии в феврале 1867 г. По Сен-Жерменскому договору от 10 сентября 1919 г. австро-венгерская граница была изменена. К Югославии отошла Словения, в результате чего перестала существовать часть границы от Фиуме до Раткерсбурга. На севере часть территории, по которой проходила граница, была передана Чехо-Словакии. Центральный отрезок австро-венгерской границы (от Раткерсбурга до Прессбурга) был изменен незначительно. Лишь часть западной Венгрии в районе озера Нейзидлер-Зее перешла от Венгрии к Австрии.

²⁷ *Парижский трактат 1856 г.* — мирный договор, подписанный в результате Крымской войны между Россией, с одной стороны, и Англией, Францией, Австрией, Пруссией, Сардинией и Турцией — с другой. По условиям договора Россия лишалась части южной Бессарабии, отошедшей к Молдавии; России не разрешалось держать в Черном море военный флот. Береговые укрепления России и Турции уничтожались. Гарантировались независимость и целостность Турции. Сербия получала самоуправление, но оставалась под властью Турции. По Дунаю устанавливалось свободное плавание под контролем международной комиссии. Следствием Парижского трактата было ослабление влияния России в Европе и в частности на Балканском полуострове.

²⁸ *Договоры 1917 г. о Малой Азии.* — На совещании в Сен-Жан-де-Мориен (Савойя) в апреле 1917 г. союзники обещали Италии огромную территорию от Смирны до Мерсины. Одновременно подтверждался заключенный в мае 1916 г. договор Сайкс—Пико (названный так по имени подготовивших его дипломатов) о разделе азиатских владений Турции на французскую (синюю) и английскую (красную) зоны. К Франции отходила Киликия (в Малой Азии), побережье Сирии, часть Армении и Курдистана. Англия получала Междуречье от Персидского залива до Багдада. Окончательно раздел Османской империи был утвержден в августе 1917 г. в форме обмена меморандумами между Лондоном, Парижем и Римом. Кроме раздела территорий, был произведен раздел на сферы влияния Франции (зона «А» — Сирия), Англии (зона «В» — Месопотамия), Италии (зона «С» — область к северу от зеленой зоны). Осуществление итальянских требований было обусловлено согласием России. На Парижской и Севрской мирных конференциях Англия и Франция отказали Италии в ее притязаниях на территории в Малой Азии.

²⁹ *Гарантийные пакты* между Францией, с одной стороны, Англией и Соединенными штатами — с другой, были подписаны 28 июня 1919 г., во время Парижской мирной конференции. Англия и Соединенные штаты взяли на себя обязательство выступить на стороне Франции в случае нападения на нее Германии. Американский сенат не ратифицировал гарантийный пакт, как и Версальский договор в целом. На этом основании английское правительство также отказалось от этого пакта.

³⁰ Черногория как самостоятельное государство перестала существовать во время первой мировой войны. Еще в начале января 1916 г. под натиском австро-венгерских войск Черногория вынуждена была капитулировать, но в дальнейшем продолжала воевать на стороне Антанты. Ряд оппозиционных деятелей, живших в эмиграции в Швейцарии, образовали черно-

горский национальный совет и в 1917 г. присоединились к декларации южных славян об образовании единого государства сербов, хорватов и словен, позднее переименованного в Югославию. После распада Австро-Венгрии сербские войска заняли Черногорию и собравшаяся в Подгорице скупщина (парламент) 26 ноября 1918 г. постановила объявить черногорскую королевскую династию низложенной и войти в состав единого Югославского государства. Таким образом, к моменту Парижской мирной конференции Черногория формально как независимое государство не существовала. Бывший черногорский король Николай протестовал против недопущения черногорского представительства на конференцию. Но эти протесты ни к чему не привели

³¹ Конвенция о труде является частью Версальского договора. При Лиге наций была создана Международная организация труда, состоявшая из общей конференции и Административного совета. Последний состоял из 24 членов: 12 представителей правительств, 6 представителей предпринимателей и 6 представителей служащих и рабочих. Международное бюро труда должно было публиковать информацию о реорганизации труда, посредничать между рабочими организациями и правительствами и проводить специальные обследования. Деятельность Международного бюро труда почти не дала никаких результатов. Заключительная часть конвенции содержала меры, которые должны были быть проведены немедленно: введение 8-часового рабочего дня, еженедельный день отдыха, право союзов предпринимателей и рабочих, отмена детского труда и т. д.

³² *Corpus separatum* (лат.)—буквально: «отдельное тело». В данном случае: обособленный (т. е. самостоятельный) государственно-политический организм.

³³ В приложении 3 к статье 196 Сен-Жерменского договора на Австрию возлагается обязанность вернуть Польше золотой кубок короля Владислава IV, попавший в Вену после первого раздела Польши в 1772 г.

³⁴ Речь, повидимому, идет о наступательных операциях Деникина весной 1919 г., когда им был захвачен Луганск и часть Донбасса.

³⁵ *Халифат*—термин, обозначающий главенство (религиозное) турецкого султана над мусульманским миром. Упразднение халифата было произведено Великим национальным собранием Турции 3 марта 1924 г.

³⁶ Во время обсуждения на Парижской мирной конференции вопроса о создании Лиги наций поднимался также вопрос о принятии в Лигу папы римского. Этот вопрос встретил серьезные затруднения прежде всего потому, что по уставу Лиги в нее входили лишь независимые государства. Принятие папы в Лигу как бы узаконяло светскую власть Ватикана, и это обстоятельство вызывало отрицательное отношение итальянского правительства, которое с 1870 г. не находилось в дипломатических отношениях с Ватиканом. Вот почему Орландо в разговоре с епископом Чикаго Келли определенно заявлял, что папа не может быть принят в Лигу без согласия Италии.

³⁷ Италия заняла Родос во время итало-турецкой войны 1911—1912 гг.

³⁸ *Санджак* и *каза*—название административных единиц в Турции.

³⁹ Речь идет о предложении Нансена (3 апреля 1919 г.) Совету Четырех организовать комиссию для помощи России продуктами питания и лекарствами. 17 апреля Вильсон, Орландо, Ллойд Джордж и Клемансо в своем ответе Нансену заявили, что эти благотворительные начинания могут быть выполнены лишь при условии «прекращения всех враждебных действий на русской территории».

В ответе советского правительства 7 мая 1919 г. выражалась благодарность Нансену «за выраженный... теплый интерес к благополучию

русского народа». Одновременно НКВД заявлял: «Мы всегда были готовы вступить в мирные переговоры и теперь готовы на это в равной мере, как и раньше. Мы будем рады начать обсуждать эти вопросы, но, конечно, непосредственно с другими воюющими, т. е. с присоединившимися правительствами... Но для нас, конечно, невозможно сделать какие-либо уступки... под маской будто бы гуманитарной работы. Последняя должна оставаться чисто гуманитарной и не политической, и в этом смысле мы будем приветствовать любое предложение с вашей стороны, сделанное нам в духе вашего письма, посланного вами Совету Четырех 3 апреля».

Все сказанное говорит о том, что запись Альдрованди неверна, ибо речь шла не о предложении Ленина—Нансена, а о предложении Нансена и ответе советского правительства.

⁴⁰ Очевидно имеется в виду редакция статута Фиуме.

⁴¹ Италия объявила войну Германии 28 августа 1916 г.

⁴² Речь идет о ноте Верховного совета союзников на имя адмирала Колчака от 26 мая 1919 г. В этой ноте союзники требовали от Колчака ряда «демократических гарантий» как условия оказания ему помощи против советской власти. В числе этих «гарантий» был созыв учредительного собрания на основании свободных выборов, признание независимости Финляндии и Польши, признание гражданской и религиозной свободы, присоединение России к Лиге наций и т. д. Ответ Колчака удовлетворил Верховный совет союзников, который 12 июня 1919 г. выразил готовность «оказывать адмиралу Колчаку и тем, кто с ним объединился, помощь, указанную в основном письме».

⁴³ «*Немецкая Австрия*»—до 1918 г.—обычное обозначение населенных немцами альпийских частей Австрии и судетских немецких округов Чехии, Моравии и Австрийской Силезии. 12 ноября 1918 г., после распада Австро-Венгрии, эти области образовали республику «Немецкую Австрию» (108 000 кв. км, 10 млн. населения), сильно урезанную в дальнейшем Сен-Жерменским договором.

⁴⁴ «*Великий визирь*»—титул председателя совета министров в докемалистской Турции.

⁴⁵ Имеется в виду игра слов с именами Пуанкаре и Клемансо. Если разложить слово «Пуанкаре» на два слова, то получится — «point» и «carré», что по-русски можно было бы перевести как нелойальный. Что же касается «Клемансо», то это слово состоит из двух слов «clément» (милосердный) и «sot» (глупый). Наменяя на эту игру слов, Клемансо в разговоре подчеркивал, что он не милосердный и не глупый.